

РОБУСТОВА Елена Витальевна
Московский государственный психолого-педагогический университет
г. Москва, Россия
robusta22@list.ru

Elena V. ROBUSTOVA
Moscow State Psychological and Pedagogical University
Moscow, Russia
robusta22@list.ru

**ФОЛЬК-ИСТОРИИ КАК ПРОБЛЕМА
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ:
УРОКИ ИСТОРИОПИСАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПЕРИОДА (1990-е - НАЧАЛО 2000-х гг.)**

**FOLK-HISTORY AS A PROBLEM OF
INTERPRETATION AND CRITICISM OF
SOURCES: LESSONS OF HISTORIOGRAPHY OF
THE POST-SOVIET PERIOD
(1990'S - BEGINNING OF 2000'S)**

В статье рассматривается проблема искаженного восприятия фактов истории в общественном сознании, актуализировавшаяся в связи с популярностью квазинаучной продукции на историческую проблематику в массовой культуре. С позиции методологии науки показано, что подобные кризисные явления не имманентно присущи научному познанию, а являются рефлексом на кризисы в общественной системе, в рамках которой происходит позиционирование истории как институционально закреплённой в науке формы социальной памяти. Причины засилья квазинаучных представлений автор связывает с отходом от национальных образовательных традиций при чрезмерной формализации результатов обучения в преподавании истории в средней и высшей школе. Одной из причин также видится закономерное усиление развлекательной функции историографического отображения прошлого в условиях все возрастающих технических возможностей «творческого воскрешения прошлого», в частности посредством кинонарративов, предрасполагающих к произвольному «конструированию истории» посредством художественного вымысла.

The article deals with the problem of distorted perception of the facts of history in the public consciousness, actualized in connection with the popularity of quasi-scientific products on historical issues in mass culture. From the standpoint of the methodology of science, it is shown that such crisis phenomena are not inherently inherent in scientific knowledge, but are a reflex to crises in the social system within, which history is positioned as an institutionally fixed form of social memory in science. The author attributes the reasons for the dominance of quasi-scientific ideas to a departure from national educational traditions with excessive formalization of the results of teaching history in secondary and higher schools. One of the reasons is also the logical strengthening of the entertainment function of the historiographical display of the past in the face of ever-increasing technical possibilities of the "creative resurrection of the past", in particular, through cinema narratives predisposing to arbitrary "designing history" through artistic fiction.

Ключевые слова: квазинаука, постсоветская историография, историческая достоверность, историческая беллетристика, кинонарративы, фальсификация прошлого.

Keywords: quasi-science, post-Soviet historiography, historical authenticity, historical fiction, cinema narratives, falsification of past

В ряду социальных дисциплин, озабоченных экспансией псевдонауки в сфере гуманитарного знания, история занимает едва ли не первое место. Квазиистория, превратившаяся уже в некое явление массовой культуры, представляет собой вид историописания, основанный на переплетении научных и художественных приемов отображения действительности, итогом которого оказывается возникновение современных мифов о прошлом. Противоречие истории и квазиистории критически оценивается научным сообществом не просто в пропорциях науки и псевдонауки, науки и мифологии, науки и искусства, но, прежде всего, в параметрах культуры и антикультуры. Это обусловлено тем, что история выступает в общественном сознании культурной формой самопознания общества. Из такого восприятия следует, что псевдоистория несет в себе угрозу формирования искаженного исторического сознания.

В исторической и социально-образовательной мысли нашей страны эта проблема заявляет о себе с начального периода «построения новой российской государственности». «С 1990-х гг. преподавание отечественной истории в вузах страны осуществлялось в старых организационно-методических формах, но с новым содержанием. Это был в какой-то мере период "разброда и шатаний", поскольку, с

одной стороны, сменилась официальная идеология, повлекшая за собой кардинальный пересмотр устоявшихся стереотипов советской историографии, а, с другой, на место старых мифов пришли новые мифы, такие же идеологизированные, но лишь с другим знаком, плюс сменился на минус» [1, с. 6-7], - так с позиции дня сегодняшнего видится исходная ситуация утверждения квазинаучных представлений о краугольных событиях прошлого.

Пик квазиистории, или фольк-хистори, в нашей стране относится к 1990-м годам, когда известные «родоначальники» этого явления в России А.Т. Фоменко и его соавтор Н.В. Носовский взяли на себя смелость «демонтировать» все здание исторической хронологии, безапелляционно заявляя, что оно воздвигнуто на ошибочных толкованиях исторических источников, показывающих факты истории «...иногда настолько по-разному, что на первый взгляд невозможно поверить, что перед нами - два разных описания одного и того же события» [2, с. 5]. Руководствуясь собственными «теоретическими построениями», презрев необходимость научного обсуждения, «проповедники» «нового видения истории» сразу «пошли в народ», избавленный от «академической гордыни» ученых.

Историки-специалисты ответили на вызов «негуманитариев» с опозданием, считая самоочевидным, что умозрительные гипотезы последних выстроены без намека на научность. Для профессионалов многочисленные трактаты означенных авторов представлялись не более чем разновидностью полубульварной фантастической литературы на общеизвестные исторические сюжеты. Однако неожиданно для научного сообщества «история от математиков» возымела успех, и в 1990-е годы историки были вынуждены признать: «В последние десятилетия мы являемся свидетелями настоящей экспансии точных наук в гуманитарную сферу. В основе этой экспансии лежит представление о математике и ее методах как о всеобщем инструменте, способном решать проблемы других наук. <...> Отмеченное явление непосредственно связано с коммерцией и не предлагает никакого нового метода исследования исторических источников» [3, с. 124].

Однако вряд ли адепты «новой хронологии», заявлявшие, что их труды не требуют от читателя никаких специальных знаний [2, с. 3], писали их сугубо из меркантильного интереса. Думается, не менее, чем профессиональных исследователей прошлого, их влекла в историю «неутолимая жажда исторической объективности», на «удовлетворение» которой оказалась неспособной, по мнению поп-историков, традиционная наука. «В конце 80-х - начале 90-х годов доминировало стремление восстановить, раскрыть историческую правду, которая могла бы заменить лживый исторический дискурс. Отсюда высокая культурная ценность исторического документа, вера в возможность дойти до аутентичных объектов исторического описания - наподобие объектов изучения в естественных науках - как о реальном объективном артефакте» [4, с. 435], - определял условия утверждения квазиисторических представлений Ю. Пярле.

Коммерчески выгодным предприятием издание «бестселлеров от фольк-хистори» стало в дальнейшем за счет общественных настроений и конъюнктуры дня, когда сделался возможным выход в свет «научных» публикаций без ответственного научного рецензирования. «На наш взгляд, - самокритично признавали российские ученые, - в шокирующей востребованности идей Фоменко виновато само научное сообщество» [5, с. 276-277].

Действительно, академическая наука постсоветской эпохи, оказавшаяся в ситуации методологического кризиса, не могла, по объективным причинам, удовлетворить возросшие запросы массового читателя, подавленного шквалом негативной антикоммунистической информации и желавшего сиюминутно получить

разъяснения по поводу «смены ориентиров». «Долгий кризис социализма, а затем и его распад наглядно показали исходную ущербность историсофской концепции, составлявшей самое ядро "научности" советской картины прошлого» [6, с. 6]. «Ключевое слово в многочисленных публикациях - это слово "кризис". Читая подобные публикации, подчас, испытываешь невольное удивление от того, с каким наслаждением их авторы придают себя самобичеванию и с какой страстью доказывают несостоятельность собственной профессии» [7, с. 57], - характеризовались доминирующие настроения в историко-научной среде. При этом огромная доля ответственности перед обществом и будущими поколениями в значительной мере лежала на средствах массовой информации, отнюдь не содействующих формированию цивилизованных, рационально мыслящих граждан.

Полемика, развернувшаяся вокруг «новой хронологии», была бурной и обширной. Профессиональные историки, археологи, представители других научных дисциплин убедительно опровергали все теоретические реконструкции «истории от математики», выявляя множество ошибочных выводов, однако это не мешало сочинениям «хронологов» заполнять полки магазинов и приобретать своих поклонников. «Конечно, "простые" люди этих книг не читают, - анализировал социальный состав потребителей «науки для народа» Ю.К. Бегунов. - Но эти книги читает интеллигенция и, увы, зачастую им охотно верит. "Вот она где, настоящая правда!" - нередко восклицают врачи, учителя, профессора и доценты математики и инженерных наук» [8, с. 5]. Массовый спрос на сочинения подобного толка объяснялся повышенным вниманием к прошлому великой страны, разрушившей идеологию сверхдержавы, и ее столь неожиданному, казавшемуся просто невозможным, самоистреблению. «Переосмысление истории стало болевой точкой перестроечного общественного сознания. Не малую лепту в него внесло не только профессиональное, но и непрофессиональное историописание» [9], - анализирует ситуацию И. Чечель.

С позиции методологии науки подобные кризисные явления не имманентно присущи научному познанию, а являются рефлексом на кризисы в общественной системе, в рамках которой происходит позиционирование истории, как институционально закрепленной в науке формы социальной памяти. Кризис историографии в этом смысле будет проявляться в неуверенности относительно решения вопроса, с какой историей следует идентифицировать себя, а с какой не стоит, что в ней является ложным, а что представляется достоверным. Справедливость данного утверждения наглядно проиллюстрировала российская историческая наука, конкуренцию которой «на пересменке эпох» пытались составить «поп-историки» всевозможных «концептуальных направлений» и «жанров». После заката «фоменковщины» социальный заказ на «переоценку всех ценностей» был подхвачен новой волной фольк-хистори, олицетворенной одиозными фигурами Э. Радзинского, Н. Шамагонова, М. Аджиева и других не столь ярких представителей «отряда, штурмующего пустоты в умах». «...Ложно-исторические книги издаются сейчас в России огромными тиражами и прекрасно оформленными. Что это - проникновение на наш книжный рынок враждебных России финансовых воротил Запада? Или наличие внутри страны пятой колонны "агентов влияния"? Истинные же исторические книги с подлинными историческими открытиями издаются за счет средств их авторов, как правило, мизерными тиражами, очень бедно оформленными и остаются малоизвестными читателю» [8, с. 6], - изобличали «конъюнктуру дня» историки-профессионалы, reagировавшие на происходящее без оптимизма.

Требуемая «сатисфакции» за многолетний обман «мыслящая интеллигенция» оставалась все столь же легковверной, как и во времена безраздельного гос-

подства исторического материализма, воспринимая предлагаемый публицистами массив знаний как научный. По объяснению ученых, это явилось следствием того, что «...история России в XX веке в нашей стране преподавалась слишком бегло и скромно. В средней школе она считалась предметом второстепенным, а в программах большинства специальностей вузов была исключена вовсе. В итоге наша интеллигенция историю своей Родины не знает и поэтому готова верить всему» [8, с. 66].

Сегодня «История» входит в список обязательных дисциплин вузовского курса наук, а для средней школы на официальном уровне провозглашается, что историческое образование на ступени основного общего образования играет важнейшую роль с точки зрения личностного развития и социализации учащихся. При этом представления о прошлом, закрепившиеся в общественном сознании, как прежде, далеки от научных в силу все большей формализации результатов обучения. В ситуации, когда уровень гуманитарных знаний школьников и студентов оценивается, главным образом, посредством тестирования по типу ЕГЭ либо интернет-экзамена, не требующих глубины и не побуждающих к самостоятельности мышления, следует вести речь уже не столько о квазиистории, сколько о квазиобразовании. «Если реальное образование - процесс, основным результатом которого являются изменения в сознании, общем развитии всех учеников, приобретении знаний и расширение кругозора, то под квазиобразованием следует понимать тренировку памяти, зазубривание материала, проявление формальных признаков профессионализма. Именно на это могут нацеливать такие меры, как тестирование, когда реальные знания и умения имеют мало значения» [10, с. 114-115], - по-прежнему актуально звучит распространенное мнение начала 2000-х гг.

Не менее серьезные упущения заявляют о себе сфере профессионального исторического образования: «...Ориентация ряда молодых ученых в первую очередь на "актуальную", или модную, проблематику, занятия которой дают больше шансов на получение финансовой поддержки, ведет к тому, что исчезают целые предметные области и научные направления, с которыми связаны многие важные традиции российской исторической науки и ее научные школы» [7, с. 66], - обозначил проблему реструктуризации исследовательских интересов историков А. Каменский [15].

Таким образом, некомпетентность историков «новой генерации 1990-х», вызванная серьезными упущениями высшей школы «переходного периода», явилась одним из факторов, превращающих современную историю в квазинауку, «на помощь» которой с готовностью приходили «серьезные» отрасли знания, еще более усугубляя вторжением непрофессионалов ее методологический кризис. «В глазах нашей общественности "ненаучность" истории - это окончательный ей приговор, - читаем в публикации той поры. - Естественно, что место ненаучной "истории историков" у нее легко могут занимать другие истории, например "история от математиков", - просто потому, что математика в глазах советского человека (и соответственно, его наследников) - "настоящая наука"» [6, с. 23]. Однако и сегодня, несмотря на то, что «история от математиков» больше не пользуется спросом, в гуманитарном образовании дают знать о себе все те же проблемы, и выпускники исторических факультетов по-прежнему слабо нацелены на черную работу в архивах из-за отсутствия мотивации к такого рода исследовательской деятельности, упуская из вида при этом, что «историк, не сумевший овладеть методами источниковедения, решает проблемы исторической науки примерно так, как решает свои проблемы неопытный путник в глухом лесу или мореплаватель в открытом океане, оставшись без компаса» [11, с. 3], вследствие чего в историче-

ской науке непреходящей оказалась проблема критики источников, заявляющая о себе «неадекватным "прочтением" документов» [12, с. 55].

Поэтому насущно необходимым для науки является не столько толкование и «перетолкование» давно проштудированных нарративных текстов - на чем сосредоточено внимание немалого числа представителей «исторического цеха», сколько освоение и обогащение критических методов источниковедческого анализа, о недостатках которых небезосновательно заявлял в свое время «персона нон гра» А.Т. Фоменко.

Кроме того, несмотря на все обвинения в квазинаучности исторических повествований из ранга фольк-хистори, популярность подобного рода сочинений заставляет обратить внимание на сопричастность работы историка как научному, так и художественному творчеству. Возрождение проблематики научно-художественного историописания открывает перед исторической наукой новые возможности для адекватного и практически действенного отображения актуальных событий минувших эпох. Однако это не делает «рассказывание» истории литературно-эстетической проблемой. При всем богатстве используемых языковых средств выразительности история остается наукой - не литературой и не разновидностью «разговорного жанра», какой она выступает, к примеру, в увлекательных исторических зарисовках наиболее яркого из представителей фольк-хистори Э. Радзинского, в моноспектаклях которого мы находим много «интересного», но не всегда можем угадать грань между реальностью и вымыслом, поскольку историческая правда редуцируется здесь к художественной.

Опасность здесь видится в том, что тем самым, благодаря потрясающим массовое сознание технологическим прорывам современной цивилизации, создаются предпосылки для возникновения все новых разновидностей квазиистории. На одну из них - кинонарративы - обращает внимание М.А. Бойцов, показывая, что «современная кинематографическая "квазиистория" намного убедительнее "подлинной истории", динамичнее ее, она доступнее для восприятия, проще и определеннее ее, обладает немалой эстетической цельностью и потрясающей художественной выразительностью. Ее можно представить в качестве масштабного полотна, а не разорванных фрагментов, к которым обычно сводится нынешнее историописание» [13, с. 99]. По словам М.А. Бойцова, о таком воздействии ученые, в прошлые времена пытавшиеся, по известному завету Л. фон Ранке, «показать, как это было на самом деле», могли только мечтать. При этом «в отношении способов подачи того или иного контента в рамках модернизированного информационного пространства можно говорить о сумме аудиовизуальных приемов, позволяющих создать эффект достоверности, реалистичности, убедительности относительно материала любого содержания. Таким образом, система передаваемых сообщений информирует не о реальных фактах, а о той или иной степени их искажения теми структурами, которые контролируют и управляют какими-либо видами СМК» [14, с. 1].

Тем самым, во взгляде на современное отображение прошлого отмечаются «...быстрые и порою парадоксальные изменения в культурном статусе исторических нарративов, в оценке исторических фактов - а исторический факт уже явление семиотическое, имеющее определенное значение» [4, с. 435]. Поэтому остается обеспокоенность профессиональных историков по поводу засилья квазинаучных исторических представлений в массовой культуре, ввиду того, что этот компонент все еще влияет и будет влиять на массовые представления о прошлом, на программы учебных заведений, на историческую беллетристику.

«Правда, правда и еще раз, правда», - отстаивают этический ригоризм убежденные противники фольк-хистори, напоминая коллегам по цеху крылатое выражение М. де Сервантеса: «Историков, которые лгут, следует пригвоздить к позорным столбам, как фальшивомонетчиков» [15]. С этим требованием профессиональной честности трудно не согласиться, как и с тем, что «не так благотворна истина, как зловердна ее видимость» (Ф. де Ларошфуко).

«...Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4, 3-4). Хочется надеяться, что время, означенное в послании апостола Павла, еще не настало, а ученые и деятели культуры найдут способы актуализации научного историописания, не заменяя его ради «доступности восприятия» суррогатом псевдонауки. Также и массовый читатель, и зритель, за счет благодатных возможностей образования и самообразования, научится воспринимать науку и опознавать ее «оборотня» - «чудище стозевно и лайяй», соседствующего с наукой, как сосуществуют правда и истина, поскольку, даже согласившись с тем, что «правда у каждого своя», сомневаться в достижении научной истины подлинной науке не приходится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кандрашин В.Н. Дискуссионные вопросы России XX века и их возможная интерпретация в учебном процессе // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всероссийские историко-педагогические чтения: сборник научных статей. - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. Часть I. - С. 5-16.
2. Носовский Н.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. - М.: Факториал, 1997. - 256 с.
3. Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Вопросы истории. - 2002. - № 4. - С. 125-135.
4. Пярле Ю. Устно-письменный нарратив: парадоксальный наш Ленин // История и повествование. Сб. статей / Под ред. Г.В. Обатника и П. Песонена. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. - С. 435-438.
5. Наука и квазинаука / Под ред. В.М. Найдыша. - М.: Альфа-М, 2008. - 318 с.
6. Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 7. 2005 / Отв. ред. М.А. Бойцов, И.Н. Данилевский. - М.: Наука, 2006. - 403 с.
7. Каменский А. Российская историческая наука в условиях переходного общества // Историческое знание в современной России: дискуссии и поиски новых подходов: сборник статей / Отв. ред. И. Эрманн, Г. Зверева, И. Чечель. - М.: РГГУ, 2005. - С. 57-67.
8. Бегунов Ю.К. Русская история против «новой хронологии». - М.: Русская панорама, 2001. - 218 с.
9. Чечель И. Советское общество 1985-1991 годов: попытка историографического подхода // ГЕФТЕР. 22 мая 2013 [Электронный ресурс] - URL: <http://gefter.ru/archive/8736> (дата обращения: 24.04.2017).
10. Добренькова Е.В. Деформации образовательного дискурса // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. - 2006. - № 1. - С. 106-119.
11. Ульянов Н.А. Антинаучная сенсация (О «гипотезах» А.Т. Фоменко и его сподвижников). - М., 1999. - 95 с.
12. Павлова И.В. Интерпретация источников по истории Советской России 30-х годов (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. - 1999. - № 2. - С. 55-60.
13. Бойцов М. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и история. - 2006. - № 1. - С. 91-108.
14. Баглюк С.Б. Социальный миф в системе массовых коммуникаций (СМК) // Стратегические коммуникации в политике и в бизнесе: Материалы 53-й Международной научно-практической конференции «СМИ в современном мире. Петербургские чтения-2014» [Электронный ресурс] - URL: <http://jf.spbu.ru/conf-pr/4343/4344.html> (дата обращения: 24.04.2017).

15. Российские историки о новом законопроекте Киева // Российские вести: федеральный еженедельник. - 2016. - № 19 (2191) [Электронный ресурс] - URL: <http://rosvesty.ru/2191/istoriya/10533-rossiyskie-istoriki-o-novom-zakonoproekte-kieva/> (дата обращения: 24.04.2017).

REFERENCES

1. Kondrashin V. N. Diskussionnye voprosy Rossii XX veka i ih vozmozhnaja interpretacija v uchebnom processe. Vospitanie i obuchenie istorii v shkole i vuze: istoricheskij opyt, sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. NH Vserossijskie istoriko-pedagogicheskie chteniya: sbornik nauchnyh statej. [Discussions of Russia in the XX century and their possible interpretation in the training process. Education and learning history in school and University: historical experience, modern state and prospects of development. Yearbook. XX all-Russian historical-pedagogical readings: collection of scientific articles]. Ekaterinburg: Ural state pedagogical University, 2016. Part I. P. 5-16.
2. Nosovskij N.V., Fomenko A. T. New chronology of Rus. M.: Faktorial, 1997. 256 p.
3. Vovina-Lebedeva V. G. K voprosu o metodah issledovanija narrativnyh tekstov. [To the question about research methods of narrative texts]. Issues of history. 2002. No. 4. P. 125-135.
4. Parle Y. the Oral-written narrative: paradoxical our Lenin. History and narrative. SB. Articles. Under the editorship of G. V. and P. Alatnica Pesonen. M.: New literary review, 2006. P. 435-438.
5. Science and casinosa. ed. by V. M. Naidysh. M.: Alpha-M, 2008. 318 p
6. Case: individual and unique in history. Vol. 7. 2005. Ed. edited by M. A. Bojcov, I.N. Danilevskij. Moscow: Nauka, 2006. 403 p
7. Kamenskij A. Russian historical science in the conditions of the transitional society. Historical knowledge in modern Russia: the debate and search for new approaches: a collection of articles. Ed. edited by I. Ehrmann, G. Zvereva, I. Chechel. M.: RGGU, 2005. Pp. 57-67.
8. Begunov Ju.K. Russian history against "new chronology". Moscow: Russkaya panorama, 2001. 218 p.
9. Chechel I. Soviet society, 1985 to 1991: an attempt historiographical approach. GEFTER. May 22, 2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/8736> (accessed: 24.04.2017).
10. Dobrenkova E. V. Deformacii obrazovatel'nogo diskursa. [Deformation of educational discourse]. Vestnik of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science. 2006. No. 1. P. 106-119.
11. Uliankin N.A. Unscientific sensation ("hypotheses" by A. T. Fomenko and his associates). M., 1999. 95 p.
12. Pavlova I. V. Interpretacija istochnikov po istorii Sovetskoj Rossii 30-h godov (postanovka problemy). [Interpretation sources on the history of Soviet Russia 30 years (problem statement)]. Humanities in Siberia. 1999. No. 2. pp. 55-60.
13. 13 Bojcov M. Will Clio survive under globalizacija? [soldiers will Survive Clio with globalizacija?]. Public Sciences and modernity. 2006. No. 1. P. 91-108.
14. Bagljuk S.B. Social'nyj mif v sisteme massovyh kommunikacij (SMK). Strategicheskie kommunikacii v politike i v biznese: Materialy 53-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «SMI v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya-2014». [Social myth in the system of mass communications (SMK). Strategic communication in politics and business: proceedings of the 53rd International scientific-practical conference "mass media in the modern world. The Petersburg readings-2014"] Available at: URL: <http://jf.spbu.ru/conf-pr/4343/4344.html> (accessed: 24.04.2017).
15. Russian historians about the new bill Kiev. Russian news: the Federal weekly. 2016. No. 19 (2191) Available at: URL: <http://rosvesty.ru/2191/istoriya/10533-rossiyskie-istoriki-o-novom-zakonoproekte-kieva/> (accessed: 24.04.2017).

Информация об авторе:

Робустова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и гуманитарных наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
robusta22@list.ru

Information about the author:

Elena V. Robustova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Philosophy and Humanities, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia
robusta22@list.ru

Получена: 28.03.2017

Received: 28.03.2017

Для цитирования: Робустова Е.В., Фольк-хистори как проблема интерпретации и критики источников: уроки историописания постсоветского периода (1990-е - начало 2000-х гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 2. Часть 2. с. 93-100.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-93-100

For citation: Robustova E.V., Folk-history as a problem of interpretation and criticism of sources: lessons of historiography of the post-soviet period (1990's - beginning of 2000's). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.2. Part. 2. Pp. 93-100.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-93-100. (in Russian)